

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ПАТРОЕВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка Института филологии  
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)  
nvpatr@list.ru

## РИТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА М. В. ЛОМОНОСОВА В ЗЕРКАЛЕ СЛОВАРЕЙ

Вопрос о становлении традиций красноречия в России тесно связан с проблемой эволюции русского литературного языка, культурного сознания эпохи языковых реформ и роли в этом процессе индивидуального стиля Михаила Васильевича Ломоносова. Целью статьи является анализ риторических приемов главного реформатора русского литературного языка XVIII века в аспекте сопоставления теоретических размышлений, представленных в «Кратком руководстве к риторике...», и реальной поэтической практики Ломоносова. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного анализа тропо- и фигурирования М. В. Ломоносова и выявления возможных расхождений между теоретическими декларациями теоретика русского стиха эпохи классицизма и их воплощением в его поэтических произведениях малых и средних жанров. Новизна заключается в том, что в научный обиход впервые вводятся лексикографические данные, касающиеся системы ломоносовских риторических приемов, анализируемых в грамматическом и лингвостилистическом аспектах. Тропы и фигуры речи, интерпретируемые М. В. Ломоносовым в его научных трудах и используемые в стихотворных произведениях, представлены в двух новейших словарях – «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры» и «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: Том 2: Ломоносов». К самым распространенным тропам, используемым Ломоносовым, относятся метафора (1275 репрезентаций), олицетворение (253), метонимия (244), синекдоха (143) и сравнение (117). Гипербола, перифраз, антономазия и аллегория встречаются в ломоносовских одах гораздо реже. Из фигур речи в поэзии Ломоносова наиболее активны инверсия, эллипсис, повтор (в том числе анафора), риторические обращения, восклицания и вопросы. Менее часто используются асиндетон и полисиндетон при построении периодической речи, а также анаколуп и антитеза. К маргиналиям среди ломоносовских риторических приемов относятся оксюморон, каламбур, симплока.

Ключевые слова: троп, фигура речи, риторическая традиция в России, тропы и фигуры речи в поэзии барокко и классицизма

Для цитирования: Патроева Н. В. Риторическая теория и практика М. В. Ломоносова в зеркале словарей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 3. С. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.468

### ВВЕДЕНИЕ

Использование риторических приемов поэтами эпохи языковых реформ требует специального анализа в рамках отдельной работы, который, несомненно, способствовал бы прояснению вопроса «о роли риторики в истории литературного языка» [3: 47], далеко еще не осознанной во всей своей сложности.

Современный этап развития словарного дела в России характеризуется особым интересом к русской словесности XVIII века, и прежде всего к фигуре главного реформатора русского литературного языка и поэзии М. В. Ломоносова: за последние несколько лет вышла целая

серия «ломоносовских» словарей, представляющих терминологию, грамматику, метрику, историю изучения творчества российского ученого-энциклопедиста<sup>1</sup>.

Проблема формирования риторической (и – шире – филологической) терминологии интересна не только имманентно, сама по себе, но и с точки зрения формирования русского литературного языка, а также развития поэзии эпохи русского барокко и классицизма. В этом смысле интерпретация классической риторической теории в «Кратком руководстве к красноречию...» 1748 года с опорой не только на античные греко-латинские образцы или западноевропейские

церковнославянские либо латиноязычные трактаты [15], но и на собственные опыты Ломоносова в стихах и прозе представляет несомненный интерес как обширный материал для нынешних и будущих исследователей. Вопрос о становлении риторической традиции в России тесно смыкается с проблемой эволюции национального литературного языка, языкового сознания эпохи и роли в этом процессе индивидуального слога М. В. Ломоносова, еще далеко не изученного в системном и стилистическом планах<sup>2</sup>. Исследователи русской языковой и стилистической системы XVIII века отмечали уже определяющее значение поэтической практики Ломоносова, а не его теоретических построений в деле формирования нового русского литературного языка:

«Реформаторская деятельность Ломоносова рассматривается и оценивается на материале его теоретических сочинений и заметок, и упускается из виду, что языковые преобразования осуществляются прежде всего путем художественной практики. <...> То, что мы называем “реформа Ломоносова”, заключено не в его “Предисловии о пользе книг церковных” 1758 года, но в его художественном творчестве, явлении исключительном и эпохальном» [1: 187].

Г. О. Винокур подчеркивал, что именно одический стиль Ломоносова положил «начало прочной и устойчивой традиции поэтического языка» [5: 96].

Между тем нельзя совершенно отрицать ценность данных, предоставляемых риторическими руководствами, для анализа реальной речевой ситуации соответствующей эпохи. По верному замечанию П. Е. Бухаркина, не столько теоретическая, сколько иллюстративная часть трактатов по искусству красноречия

«представляет, пожалуй, более богатый и проще интерпретируемый материал; с известной долей преувеличения можно сказать, что она в большей степени, нежели правила и предписания, связывает риторическую теорию с языковой практикой и вообще со стихией языка»,

поскольку риторические трактаты

«имеют статус неоспоримого культурного и языкового авторитета, статус образцов, посему закрепление в них каких-либо фактов свидетельствует о признании этих фактов языковым сознанием тоже в качестве образцовых» [4: 549].

Наконец, именно риторическое руководство Ломоносова, а не его «Российская грамматика» демонстрирует нам развитие русской синтаксической терминологии.

Выявленный историками языка «конфликт лингвистической теории и практики» [8: 216–264] может быть либо резче подчеркнут, либо,

напротив, в какой-то степени хотя бы сглажен, согласно нашей гипотезе, в ходе анализа материала ломоносовских словарей, демонстрирующих системное описание как теории красноречия, так и практики использования риторических приемов.

\*\*\*

Словарь «Риторика Ломоносова. Тропы и фигуры» (далее – РЛ) как исторический и дифференцирующий по своему типу описывает используемую Ломоносовым риторическую терминологию на широком диахроническом фоне предшествующих, современных Ломоносову и более поздних трактатов по искусству красноречия, а также предлагает богатый иллюстративный материал из «Краткого руководства к красноречию» и – дополнительно – из более раннего «Краткого руководства к риторике» (1743). Интересно было бы, в развитие предложенной в РЛ характеристики тропов и фигур, выяснить, как часто сам Ломоносов в своей поэтической практике использовал тот или иной риторический прием. На наш взгляд, хорошей эмпирической базой в этом отношении может служить «Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века», второй том которого (далее – ССРП2) содержит материал не только по грамматике стихотворений М. В. Ломоносова, но и примеры используемых реформатором русского языка стиха тропов и фигур речи. Разноаспектная характеристика предложений (в том числе с точки зрения использованных в данном художественном контексте тропа или фигуры речи) в синтаксическом поэтическом словаре предлагается в виде таблицы, строки которой являются аналогом статьи традиционного («лексического») словаря, а наименования граф представляют модель словарной статьи во главе с предложением – леммой<sup>3</sup>.

Отметим, что перечень риторических приемов отличается в РЛ и ССРП2<sup>4</sup>, поскольку в РЛ изложена предложенная Ломоносовым система тропов и фигур, ССРП2 же фиксирует экспрессивно-стилистические средства, обнаруженные авторами словаря в ломоносовских стихотворениях, и интерпретирует их в рамках современной риторической и стилистической терминологии<sup>5</sup>, однако оба издания опираются на тексты произведений, опубликованные в одиннадцатитомном академическом «Полном собрании сочинений» Ломоносова (АПСС).

Включенные в восьмой том АПСС стихотворные произведения М. В. Ломоносова малых и средних жанров, составляющие материал

ССРП2, содержат следующие виды тропов, описанных М. В. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию»:

1. «Тропы речений», в терминах «Краткого руководства к красноречию»:

1) Метафора является, по определению М. В. Ломоносова, переносом «речений от собственного знаменования к другому ради некоторого обоих подобия» (РЛ: 45); автор дает рекомендацию «метафор не употреблять чрез меру часто, но токмо в пристойных местах, ибо излишно в речь втесненные переносные слова больше оную затмевают, нежели возвышают» (РЛ: 45); приведем только один пример из ССРП2:

«Младый Великий Князь, Ты **восходя сияешь**  
И веку Своего **свет** полный обещаешь»  
(АПСС 8: 610).

В 118 выбранных для анализа составителями ССРП2 стихотворениях Ломоносова отмечено 2194 предложения и 1275 метафорических контекстов, то есть в среднем 1 метафора на 2 предложения и 11 метафор на 1 стихотворение – показатель достаточно высокий и жанрово обусловленный (ода как регистр «высокий» и о важных материях рассуждающий предполагала широкое привлечение метафорики, несмотря на собственную рекомендацию поэта).

Олицетворение – один из активных тропов в стихотворениях Ломоносова, который для автора «Краткого руководства к красноречию», очевидно, был разновидностью метафоры («...когда речение, к одушевленной вещи надлежащее, переносится к бездушной» (РЛ: 45), – читаем в параграфе о метафоре:

«Приятной,  
Любимой  
быть, владеть **судьба** вас **одарила**,  
Но первого во мне чувствительнее сила»  
(АПСС: 712).

Как особый троп или фигуру речи Ломоносов не рассматривает и родственное метафоре сравнение (в ССРП2 отмечено 117 подобных примеров):

«Российский род в сердцах Ей образ начертал,  
Твердее тьмою крат, как Мрамор и Металл»  
(АПСС: 710).

2) Описание синекдохи – тропа, «когда речение переносится от большего к меньшему или от меньшего к большему» (РЛ: 60), – Ломоносов помещает перед параграфом о метонимии, но в его произведениях синекдоха по активности

своей (143 примера) значительно уступает метонимии (241 пример):

«О Боже! призри к нам единого лишенным  
И успокой **наш дух** довольством совершенным»  
(АПСС: 517).

3) Метонимия «есть, когда вещей, некоторую принадлежность между собою имеющих, имена взаимно переносятся» (РЛ: 70):

«Россию предприяв ущедрить, небеса  
Являют Твоя породы чудеса» (АПРФ: 610).

Метонимические переносы (241 репрезентация) активны в гражданских и духовных одах Ломоносова (в среднем более 1 метонимии на 1 стихотворение).

4) Антономазия как «взаимная перемена имен собственных и нарицательных» (РЛ: 82) используется Ломоносовым в 14 стихотворениях:

«Я вижу умными очами:  
**Колумб российский** между льдами  
Спешит и презирает рок» (АПСС: 445).

Катахрезис и металепсис отдельно в ССРП2 как термины не используются, так как в современных риторических словарях и учебниках или не представлены, или рассматриваются как частный случай иного тропа (метафоры, перифразы или метонимии).

2. «Тропы предложений»:

1) Аллегория как «перенесение предложений от собственного знаменования к другому стечением многих метафор, между собою сродных и некоторую взаимную принадлежность имеющих» (РЛ: 103) занимает более скромное место в ломоносовских одах, посланиях и внежанровых стихотворениях, чем собственно метафора: очевидно, Ломоносов, избегая многочисленных развернутых метафор, стремился соблюсти выказанное по поводу метафоры пожелание авторам не нагромождать переносные контексты один на другой, дабы не затемнить смысл сказанного:

«Но ближе тем парит Орлица,  
Что правит свой полет ко Льву» (АПСС: 344).

В качестве тропа, основанного на иносказательном толковании конкретного образа, аллегория часто используется в баснях и эпиграммах, но эти жанры редки в поэтическом творчестве Ломоносова:

«Мышь некогда, любя святыню,  
Оставила прелестной мир,  
Ушла в глубокую пустыню,  
Засевшись вся в галланской сыр» (АПСС: 277).

2) «Парафразис» (перифраз), в изложении Ломоносова, «есть представление многими

речениями того, что одним или немногими изображено быть может». Этот троп Ломоносов любил вводить в речевую ткань своих од (81 пример, согласно данным ССРП2):

«С восторгом радостным Нева внимает звук,  
Что на противников **Петров** готовит **Внук**»  
(АПСС: 610).

Антономасию (14 репрезентаций) можно рассматривать как разновидность перифразы.

3) Для иллюстрации «эмфазиса» Ломоносов приводит, наряду с примерами из Вергилия, собственные строки из похвальной «Оды на прибытие из Голстинии и на день рождения его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня»:

«Сердца жаленьем закипели,  
Когда под дерзким кораблем  
Балтийски волны побелели» (АПСС: 356).

В новейших риторических справочниках термин «эмфазис» не рассматривается в качестве наименования особого тропа, а имеет более широкое значение (эмоциональное выделение, подчеркивание элементов текста), так что под эту категорию попадают любые экспрессивные средства.

4) «Ипербола» (гипербола): гиперболизация изображаемого часто использовалась в похвальных одах:

«Видение мой дух возводит  
Превыше Тессалийских гор!» (АПСС: 236)

Поскольку автор «Краткого руководства к красноречию» считал «послабление» (РЛ: 125) частным случаем «иперболы», то литоту можно также отнести к примерам гиперболизации, однако в стихотворениях Ломоносова этот троп составителями ССРП2 не отмечен.

5) Ирония встречается в эпиграммах, посланиях и внежанровых стихотворениях Ломоносова:

«Уж плохи для него лавровые венки,  
Нельзя тем увенчать премудрые виски»  
(АПСС: 439);

и редко – в одах:

«Но вот вам ваших бед почин:  
Соседа в гнев ввели без вин,  
Давайте в том другим примеры» (АПСС: 389).

Однако при толковании этого тропа в «Кратком руководстве к красноречию» Ломоносов примеров собственного сочинения не приводит.

3. Среди «фигуры речений» особенно часто встречаются различные типы повтора – в терминах Ломоносова «повторение»:

«**Дивятся** все, **дивишься** ты и сам:

Как не греметь во гневе небесам!» (АПСС: 711)

276 случаев лексического повтора, 17 морфемного повтора, 129 анафор и 1 эпифору отмечают составители ССРП2, два из которых приводит сам Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (РЛ: 145–146).

«Многосоюзие» (полисиндетон) и «бессоюзие» (асиндетон) используются Ломоносовым при построении сложных периодов. Выделяемые в том же разделе Ломоносовым «усугубление» и «наклонение» аналогичны лексическому повтору или полиптотону; «единознаменование» основано на синонимических связях; «согласование» выступает аналогом современного термина «парономасия» (обыгрывание сходно звучащих слов); «восхождение» – восходящая градация, или климакс, в современных терминах (эти «фигуры речений» в ССРП2 не описываются).

Из 26 отмечаемых в «Кратком руководстве к красноречию» «фигур предложений» к часто используемым Ломоносовым, согласно данным ССРП2, относятся:

– риторический вопрос (227 репрезентаций):

«Но как изобразить для вечности Геройство  
И ревность Матерню, чем нам дала спокойство?»  
(АПСС: 710)

– риторическое восклицание (267 примеров):

«Блаженная страна,  
которой такова Монархия дана!» (АПСС: 510)

– риторическое обращение (304 примера):

«Мы радость от небес, Щедроты, благодать  
Приемлем чрез Тебя, **Россиян верных мать**»  
(АПСС: 510).

Стилевая доминанта Ломоносова-поэта – одновременное использование для усиления выразительности и торжественности речи сразу нескольких риторических приемов, например сочетание риторического обращения с восклицанием, метафорой, метонимией, повтором, инверсией (самым распространенным видом фигур речи, по данным ССРП2 – 2070 иллюстраций, извлеченных из 2194 предложений 118 стихотворений Ломоносова):

«Европа и весь свет, Монархия, свидетель,  
Пред Вышнем коль Твоя любезна добродетель,  
Он ревность храбрую в полки Твои вложил  
И гордых сопостат коварну мочь сломил»  
(АПСС: 585).

Это пристрастие Ломоносова к лексическому и грамматическому повтору, параллелизму, инверсии как приметам поэтического слога

в сравнении с прозаическим восходит к античным образцам: так, в работе Г. А. Гуковского «Об анакреонтической оде» были указаны некоторые из наиболее существенных особенностей стилистики и синтаксиса древнегреческой анакреонтики, например высокая частотность использования анафоры и параллелизма, словесных повторов, рефрена и повторов целых стихов, встречающихся либо автономно, либо в соединении друг с другом [7: 147–148].

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление риторических идей и опытов М. В. Ломоносова, теоретического и эмпири-

ческого материала, представленного в словарях Ломоносовской речи, доказывает тесную связь учения о красноречии с собственной писательской деятельностью реформатора русского языка и стиха: все описанные Ломоносовым тропы и фигуры используются в его творчестве и служат прекрасными образцами для подражания. Кроме вошедших в риторический трактат 1748 года приемов усиления выразительности речи, Ломоносов применяет и другие (например, каламбур, антитезу, анаколүф, зевгму, эллипсис), что свидетельствует о бедности любых схем и классификаций в сравнении с реальной поэтической практикой.

## ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> В работе использованы следующие аббревиатуры, указывающие на источник цитаты:

АПСС – Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 11 т. М.; Л.: АН СССР, 1959.

РЛ – Словарь «Риторика М. В. Ломоносова. Тропы и фигуры» // Риторика М. В. Ломоносова / Науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 9–522;

СЯЛ – Словарь языка М. В. Ломоносова / Гл. ред. акад. Н. Н. Казанский. Материалы к словарю. Вып. 1–5. СПб., 2010–2011.

ССРП2 – Синтаксический словарь русской поэзии XVIII века: В 4 т. / Под ред. Н. В. Патроевой. Т. 2: Ломоносов. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019.

СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

HWR – *Historisches Wörterbuch der Rhetorik* / Hrsg. von Gert Üding. Mitbegr. von Walter Jens. In Verbindung mit Wilfried Barner. Bd. 1–11. Tübingen; Berlin, 1992–2014.

<sup>2</sup> Единственным научным трудом, представляющим Ломоносовский идиостиль как систему, до сих пор остается ставшая уже классикой в этой области работа, написанная более полувека назад: [13].

<sup>3</sup> О сводном поэтическом словаре «нелексического типа» см.: [10], [11].

<sup>4</sup> В РЛ описываются «тропы речений» (метафора, синекдоха, метонимия, антономазия, катахресис, металепсис), «тропы предложений» (аллегория, парафразис, эмфазис, ипербола, ирония), «фигуры речений» (повторение, усугубление, единознаменование, восхождение, наклонение, многосоюзие, бессоюзие, согласование) и «фигуры предложений» (определение, изречение, вопрошение, ответствование, обращение, указание, заимословие, умедление, сообщение, поправление, расположение, присовокупление, уступление, вольность, прохождение, умолчание, сомнение, зятие, напряжение, пременение, желание, моление, изображение, возвышение, восклицание, восхищение).

В ССРП2 в рубрике «Риторические приемы» фиксируются следующие (приводим в алфавитном порядке): аллегория, алогизм, амплификация, анаколүф, анафора, антитеза, антономазия, асиндетон, гипаллага, гипербола, зевгма, инверсия, ирония, каламбур, литота, метафора, метонимия, олицетворение, оксюморон, период, перифраз, повтор (корневой, аффиксальный, лексический), полисиндетон, риторическое обращение, риторический вопрос, риторическое восклицание, симплока, синекдоха, синтаксический параллелизм, сравнение, умолчание, эллипсис, эпифора. Характеристика синтаксических значений предложений, представленная в словаре, содержит указание на некоторые из перечисленных Ломоносовым в разделе «Фигуры предложений» явления, например «уступление», «сомнение» и «желание». «Присовокупление» присутствует в однородных рядах, отмечаемых словарем. Амплификация оказывается аналогична «умедлению». Эпитет в рубрике «Риторические приемы» не указывается в силу максимальной своей частотности в художественном тексте в сравнении с другими тропами. В «Кратком руководстве к красноречию» и РЛ примеры эпитетов встречаются при изложении вопроса об «определении» как «фигуре предложения» и в качестве примеров метафоризации имен (РЛ: 45, 221–226).

До сих пор не существует единого и всеми принятого списка тропов и фигур речи (об истории изучения фигур речи и мысли см., напр.: [14], HWR – этим также объясняется отличие терминологических схем в РЛ и ССРП2. Терминология, на которую опирался сам М. В. Ломоносов, имеет опору в античных, западноевропейских средневековых, российских риториках, оригинальных и переводных риториках предшествующего периода – см. подробнее: [2], [6], [9], [15].

<sup>5</sup> См., напр., СЭС – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А. А. Очерки и этюды по истории литературного языка в России. СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013. 475 с.
2. Аннушкин В. И. Русская риторика: исторический аспект. М.: Высш. шк., 2003. 397 с.
3. Бухаркин П. Е. Риторика и история литературного языка // Мир русского слова. 2017. № 1. С. 47–53.
4. Бухаркин П. Е. Риторические трактаты как материал для истории русского литературного языка середины XVIII века // Риторика М. В. Ломоносова. СПб., 2017. С. 545–565.
5. Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. 455 с.
6. Вомперский В. П. Риторика в России XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1988. 180 с.
7. Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века. Л.: Academia, 1927. 211 с.
8. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 591 с.
9. Маркасова Е. В. Представления о фигурах речи в русских риториках XVII – начала XVIII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2002. 204 с.
10. Патроева Н. В. Синтаксис русской поэтической классики как лексикографическая проблема // Грамматические исследования поэтического текста: Материалы междунар. науч. конф. / Отв. ред. Л. Л. Шестакова, Н. В. Патроева. М., 2017. С. 38–40.
11. Патроева Н. В. Синтаксический поэтический словарь: теоретико-методологические основания лексикографического проекта // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2018. Вып. 1. С. 122–131.
12. Пекарская И. В. О существующих типологиях стилистических фигур (аналитический обзор) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 83–95.
13. Серман И. З. Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.
14. Ушакова К. М. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). М.: Моск. гос. ун-т печати, 2010. 230 с.
15. Маслюк В. П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ: Наукова думка, 1983. 236 с.

Поступила в редакцию 06.02.2020

Natalia V. Patroeva, Doctor of Philology, Petrozavodsk State University  
(Petrozavodsk, Russian Federation)  
nvpatr@list.ru

## RHETORICAL THEORY AND PRACTICE OF M. V. LOMONOSOV IN THE MIRROR OF DICTIONARIES

The question of the establishment of a rhetorical tradition in Russia is closely connected with the problem of the evolution of the Russian literary language, cultural consciousness of the era of language reforms and the role of M. V. Lomonosov's individual style in this process. The purpose of the article is to analyze the rhetorical techniques of the main reformer of the Russian literary language of the XVIII century in the aspect of comparing the theoretical reflections presented in *A Quick Guide to Rhetoric...* and the real poetic practice of M. V. Lomonosov. The relevance of the study is a necessity for a systematic analysis of tropes and figure formation in M. V. Lomonosov's works and the identification of possible discrepancies between the theoretical declarations of the theorist of the Russian verse of the era of Classicism and their embodiment in his poetic works of small and medium genres. The research novelty is that the lexicographical data concerning the system of Lomonosov's rhetorical techniques, interpreted in terms of grammar and linguistics, are introduced into scientific use for the first time. Tropes and figures of speech interpreted by M. V. Lomonosov in his works and used in his poetic works are presented in two latest dictionaries – *Rhetoric of M. V. Lomonosov. Tropes and Figures of Speech* and *Syntactic Dictionary of Russian Poetry of the XVIII Century: Volume 2: Lomonosov*. The most common figures of speech used by Lomonosov include metaphor (1275 representations), personification (253), metonymy (244), synecdoche (143), and comparison (117). Hyperbole, periphrasis, antonomasia, and allegory are much less common in Lomonosov's odes. Some of the most active figures of speech are inversion, ellipsis, repetition (including anaphora), rhetorical addresses, exclamations, and questions. Asyndeton and polysyndeton as well as anacoluthon and antithesis are less commonly used in the construction of periodic speech. Oxymoron, pun, and symplece are also among the Lomonosov's rhetorical methods.

Keywords: trope, figure of speech, rhetorical tradition in Russia, tropes and figures in the poetry of Baroque and Classicism

Cite this article as: Patroeva N. V. Rhetorical theory and practice of M. V. Lomonosov in the mirror of dictionaries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 3. P. 78–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.468

## REFERENCES

1. Alekseev A. A. Essays and studies on the history of the literary language in Russia. St. Petersburg, 2013. 475 p. (In Russ.)
2. Annushkin V. I. Russian rhetoric: historical aspect. Moscow, 2003. 397 p. (In Russ.)
3. Bukharkin P. E. Rhetoric and history of the literary language. *The World of Russian Word*. 2017. No 1. P. 47–53. (In Russ.)
4. Bukharkin P. E. Rhetorical treatises as a material for the history of the Russian literary language of the middle of the XVIII century. *Rhetoric of M. V. Lomonosov*. St. Petersburg, 2017. P. 545–565. (In Russ.)
5. Vinokur G. O. Philological research: Linguistics and poetics. Moscow, 1990. 455 p. (In Russ.)
6. Vomperskiy V. P. Rhetoric in Russia during the XVII and the XVIII centuries. Moscow, 1988. 180 p. (In Russ.)
7. Gukovskiy G. A. Russian poetry of the XVIII century. Leningrad, 1927. 211 p. (In Russ.)
8. Zhivov V. M. Language and culture in Russia of the XVIII century. Moscow, 1996. 591 p. (In Russ.)
9. Markasova E. V. Representations of the figures of speech in Russian rhetoric of the XVII and the early XVIII century. Petrozavodsk, 2002. 204 p. (In Russ.)
10. Patroeva N. V. Syntax of Russian poetic classics as a lexicographic problem. *Grammar research of poetic texts: Proceedings of the international conference*. (L. L. Shestakova, N. V. Patroeva, Eds.). Moscow, 2017. P. 38–40. (In Russ.)
11. Patroeva N. V. Syntactic poetic dictionary: theoretical and methodological foundations of the lexicographic project. *Slavic historical lexicology and lexicography*. Vol. 1. St. Petersburg, 2018. P. 122–131. (In Russ.)
12. Pekarskaya I. V. On the existing typologies of stylistic figures (analytical review). *Bulletin of Katanov State University of Khakassia*. 2017. No 21. P. 83–95. (In Russ.)
13. Serman I. Z. The poetic style of Lomonosov. Moscow, Leningrad, 1966. 260 p. (In Russ.)
14. Ushakova K. M. Terminology of Russian rhetoric as a doctrine of speech (the second half of the XVIII and the first half of the XIX centuries). Moscow, 2010. 230 p. (In Russ.)
15. Maslyuk V. P. Latin-language poetics and rhetorics in the XVII and the first half of the XVIII centuries and their role in the literary theory development in Ukraine. Kyiv, 1983. 236 p.

Received: 6 February, 2020